

ФИЛОЛОГИЯ

Н. В. Назаров

Семиотика: между процессом и системой

УДК 801

В статье обсуждается характер противопоставления «процесс – система», предлагается возможность его градуальной интерпретации и способ градуирования элементов оппозиции, а также возможность трансформации научно-дескриптивного семиотического проекта в технологически-конструктивный.

Ключевые слова: оппозиция, процесс, система, градация, признак, единица, конструкция, конфигурация, комплекс.

N. V. Nazarov. Semiotics: between process and system

The article discusses the nature of the contrast between “process – the system” offers the possibility of gradual interpretation and calibration method elements of the opposition, as well as the possibility of transforming the semiotic project of scientific and descriptive in a technologically-constructive.

Key words: the opposition, process, system, graduation, feature, unit, construction, configuration, complex.

Глоссематическая дихотомия «процесс – система», являющаяся общесемиотической интерпретацией соссюровского противопоставления речи и языка, продолжает во многом определять способы мышления и исследовательские программы современных семиотиков. Однако за сто лет, прошедшие с момента введения соссюровской антитезы в культурное сознание, был накоплен значительный опыт ее применения, позволяющий сегодня задаться вопросом о характере этой оппозиции.

Рассмотрим ее с точки зрения теории оппозиций, предложенной в рамках фонологии Н. С. Трубецким [1]. При внимательном изучении истории лингвистики и семиотики XX в. можно обнаружить, что в различных школах и научных традициях оппозиция «речь – язык» интерпретировалась чуть ли не всеми возможными способами.

В рамках структурализма и других концепций, делающих акцент на систематическом характере семиотических процессов, их подчинении строгим, хотя и неявным, а зачастую и неререфлексируемым законам, эта оппозиция имела явно привативный характер: «язык» или «система» выступали как маркированный член оппозиции, выделенный по признакам «постоянное», «предсказуемое», «умопостижимое», тогда как «речь» или «процесс» оказывались чем-то «непостоянным», «случайным», «бесконечно варьируемым», «неисчислимым» и проч. Фактически речь интересовала представителей этих научных школ лишь как материал, из которого может быть извлечена система и который может служить средством проверки имеющейся систематизации.

Постструктуралистские и постмодернистские концепции перенесли акцент с изучения системы на изучение процесса семиозиса как самостоятельной ценности; опыты деконструкций и выявления способов противостояния установленным различиям показали роль участников процесса коммуникации, как минимум не уступающую роли используемой ими системы знаков. Тем самым возникла возможность рассматривать оппозицию «система – процесс» как эквивалентную, причем способов конструирования различительных признаков для этой оппозиции стало намного больше. Так, можно рассматривать знаковую систему как общую, заданную социумом, а процесс как индивидуальную ее манифестацию или множество таких манифестаций; но можно и обернуть это противопоставление, видя в процессе как раз факт социальный, организующий и подчиняющий себе множество индивидуальных систематизаций коммуникации, выстраиваемых носителем языка в процессе онтогенеза. Возможны и другие основания для противопоставления системы и процесса; более того, в таком случае появляется возможность для введения новых элементов в данную оппозицию, превращение ее из бинарной в тернарную и далее (эту возможность в лингвистике использовали, на-

пример, Л. В. Щерба с его понятием «языкового материала», Э. Косериу, детально проработавший предложенное Л. Ельмслевом понятие «узус», и т. д.).

Наконец, уже в глоссематике Л. Ельмслева четырехчленная оппозиция «схема – норма – узус – речевой акт» может рассматриваться как градуальная, отражающая разные степени формальности описания языковой системы – от чистой системы отношений, представленной в схеме, до обусловленной множеством привходящих обстоятельств манифестации этой системы в речевом акте. Более широкое семиотическое представление отношений между процессом коммуникации и организующей его системой (или системами) как градации пока не было осуществлено, однако признаки вызревания таких концепций в коллективной работе современных семиотиков и других исследователей коммуникации налицо.

Особенно заметна готовность к выделению различных промежуточных категорий, совмещающих в разной степени свойства системы и процесса, на примере понятия дискурса. Многозначность термина «дискурс» становилась предметом обсуждения неоднократно, и более того, эта многозначность рассматривается порой как свойство новой ситуации в гуманитарных науках, при которой больше нет одной доминирующей парадигмы, диктующей всем представителям науки, как следует понимать тот или иной термин. Так это или нет, может показать только саморазвитие науки; однако нельзя не отметить, что дискурс в самых разных трактовках совмещает в себе систематическую строгость и обязательность задаваемых им норм и открытость живым процессам производства и воспроизводства речи, смысла, социальных отношений. Он не принадлежит (или – что то же самое – в равной степени принадлежит) одному из членов оппозиции «язык – речь» или «система – процесс», он опосредует это противопоставление.

При построении градаций одним из существенных моментов становится сам способ градуирования шкалы. Как представляется, опыт лингвистики XX в. достаточно ясно показал, что в описании языковой системы помимо отвлеченных признаков и категорий, позволяющих организовать разнообразие речевой реальности, присутствуют также уникальные сочетания значений этих признаков, именуемые языко-

выми единицами; присущие этим единицам правила взаимодействия с другими единицами в процессе построения единиц более высокого уровня, которые обычно описываются как типичные *конструкции*; гораздо более свободные *конфигурации*, включающие наряду с обязательным ядром выражения, несущим его отличительные признаки, еще и необязательную периферийную зону, становящуюся пространством стилистического разнообразия речи; выстроенные на основе указанных правил построения конструкций и возможных конфигураций знаковые *комплексы*, несущие более или менее уникальный смысл; наконец, включение этих комплексов в реальный *процесс* коммуникации позволяет вычленивать и объяснить самые мелкие детали порождаемых высказываний.

Предлагаемая градация, таким образом, основана на мере обязательности/произвольности совершаемых коммуникативных действий; зона «признаки – единицы – конструкции» позволяет более-менее полно описывать полюс «языка» или «системы» обсуждавшихся бинарных оппозиций, тогда как зона «конфигурации – комплексы – процессы» – полюс «речи» или «процесса».

Рассмотрим возможность анализа конкретного текста в предложенной системе категорий. Для простоты возьмем достаточно короткий и прозрачный текст четверостишия А. С. Пушкина и приведем лишь основные результаты более детального анализа.

Четверостишие выглядит следующим образом:

«Всё моё», – сказало злато;
«Всё моё», – сказал булат;
«Всё куплю», – сказало злато;
«Всё возьму», – сказал булат.

Из всего многообразия языковых различий, значимых для системы русского языка и задействованных в порождении и восприятии этого текста, выделим наиболее регулярные, актуализируемые в тексте неоднократно. Их можно представить в виде своеобразной партитуры признаков, для которых каждая актуализированная единица может рассматриваться как сигнал переключения значения (рассмотрим на примере первой и второй строк; значения, выделенные курсивом, являются не самостоятельными, а заданными той или иной конструкцией; в качестве единиц фонетического членения рассматриваются слоги):

Фонетика		Вс'о	ма	jo	Ска	за	ль	зла	ть
	Участие губ	+	+	+	-	-	-	-	-
	Участие языка	+	-	+	+	+	+	+	+
	Способ образования	Фрикат.	Смычн.	Фрикат.	Фрикат. + смычн.	Фрикат.	Фрикат.	Фрикат.	Смычн.
Морфология	Род	Ср.	Ср.		Ср.			Ср.	
	Падеж	Им.	Им.		0			Им.	
	Часть речи	Местоимение-сущ.	Местоимение-прил.		Глагол			Сущ.	
Синтаксис	Функция	Субъект	Предикат (согласование в роде, числе и падеже)		Предикат (координация в роде и числе)			Субъект	
Лексическая семантика	Категория	Предмет	Признак по принадлежности		Действие			Вещество	
	Абстрактность/конкретность	Абстр.	Конкр.		Конкр.			Абстр.	
	Участие в социальных процессах	Совокупность объектов	Знак принадлежности говорящему		Коммуникативный акт			Деньги, орудие обмена	

Фонетика		Вс'о	ма	jo	Ска	зал	бу	лат
	Участие губ	+	+	+	-	-	+	-
	Участие языка	+	-	+	+	+	-	+
	Способ образования	Фрикат.	Смычн.	Фрикат.	Фрикат. + смычн.	Фрикат.	Смычн.	Фрикат. + смычн.
Морфология	Род	Ср.	Ср.		М.		М.	
	Падеж	Им.	Им.		0		Им.	
	Часть речи	Местоимение-сущ.	Местоимение-прил.		Глагол		Сущ.	

Синтаксис	Функция	Субъект	Предикат (согласование в роде, числе и падеже)	Предикат (координация в роде и числе)	Субъект
Лексическая семантика	Категория	Предмет	Признак по принадлежности	Действие	Вещество
	Абстрактность/конкретность	Абстр.	Конкр.	Конкр.	Абстр.
	Участие в социальных процессах	Совокупность объектов	Знак принадлежности говорящему	Коммуникативный акт	Материал для холодного оружия

Уже эти две таблицы демонстрируют сложный комплекс симметрий и асимметрий, выстраиваемых в тексте: каждый стих здесь распадается на зеркально симметричные пары слов, отображающиеся друг в друге с точки зрения синтаксиса, но со сдвигающейся осью симметрии на уровне фонетики (ведущая роль губ в образовании гласных и согласных сменяется более активной ролью язычных согласных и неогубленных гласных; причем, как ось симметрии тут выступает третий слог, совмещающий в себе и язычный [j], и огубленный [o]); при этом второй стих нарушает симметрию грамматического рода, сменяя средний род местоимений мужским существительным «булат»; также нарушается фонетический порядок, вновь вводя губной смычный и огубленный согласный на предпоследнем слого.

Вторая часть стихотворения развивает эту динамику, отталкиваясь от выделенных в начале конструкций. На смену двусоставной конструкции N1Adj1, повторенной дважды, приходит определенноличная распространенная конструкция (N4)Vf, которая в то же время соотнесена с предыдущей лексическим повтором местоимения, но уже в новой синтаксической функции. При этом вновь вводимые глаголы «куплю» и «возьму» оказываются фонетически со- и противопоставлены ключевым существительным: «куплю», входящее вместе со «златом» в семантическое поле «торговля и обмен», по набору фонетических признаков ближе к слову «булат» (наличие губно-губного взрывного согласного звука и безударного огубленного гласного), то-

гда как «возьму», ассоциируемое с насилием и потому с оружием, фонетически отсылает не только к «злату» (щелевой звонкий), но и к начальным «всё моё» (губной щелевой – язычный щелевой – смычный носовой).

Итак, на крайне ограниченном пространстве языковых единиц (всего семь лексем, три синтаксических конструкции) и речевых средств (помимо выделенных симметрично-асимметричных конфигураций, традиционно относимых к синтаксическому параллелизму и лексическим повторам, можно отметить также персонифицирующее употребление слов «злато» и «булат» в роли субъектов предиката, обозначающего коммуникативный акт) Пушкин выстраивает сложный динамический комплекс, который далее может быть интерпретирован множеством способов в зависимости от того, в какой контекст этот комплекс будет поставлен. Иными словами, мы можем рассматривать этот комплекс как выражение множества различных процессов – и наполнять его смыслами в зависимости от выбираемого процесса.

Можно, вслед за Б. В. Томашевским [2], проследить источник этого текста и обнаружить структурную зависимость пушкинского стихотворения от анонимной басни из «Anthologie Française» (1816 г.). Дальнейший ход интерпретации требует поместить факт появления этого текста в творческую биографию Пушкина и исходить из той или иной смысловой реконструкции намерений, знаний и переживаний автора.

Далее, можно попытаться дать этому тексту историческую интерпретацию и рассматривать персонификации «злато» и «булат» как символическое воплощение конкретных исторических сил, например, современных автору. Тогда данный текст выступает как вариация на тему противостояния буржуазного («злато») и феодального («булат») миров. Такая социологизирующая интерпретация не будет новой для нашего литературоведения, но не будет и насилием над материалом – как мы знаем, Пушкин обращался к теме смены исторических эпох не раз, в том числе размышляя над силой денег и их ролью в наступающем веке.

Можно не вдаваться в конкретно-исторический контекст и рассматривать «злато» и «булат» как отвлеченные символы (тем более

что общая абстрактность текста этому способствует). Тогда перед нами изящная философская зарисовка, которая изображает все уравнивающую силу денег и нарушение этой непредустановленной гармонии силой оружия (отметим, что мужские клаузулы четных строк явно делают «булат» энергетически более мощным, к тому же финальная позиция придает стоящему в ней элементу дополнительную композиционную силу).

Наконец, можно и вовсе присвоить данный текст и придать ему собственную ситуативную интерпретацию, опирающуюся на совершенно произвольные коннотации «злата» и «булата»; однако при этом названный семиотический комплекс почти полностью извлекается из породившего его процесса и включается в индивидуальные процессы воспроизводства текста, которые могут быть поняты лишь при непосредственном наблюдении.

Итак, анализ текста циклически перемещается между системой признаков, организующей все многообразие языковых знаков, актуализированными единицами, выстроенными в более или менее устойчивые конструкции (слоги, словосочетания, высказывания...), повторяющимися конфигурациями (параллелизмы, антитезы, ритмические фигуры...), текстом как целым комплексом актуальных знаков и коммуникативными процессами, задающими способ интерпретации этого комплекса. При этом в зависимости от масштаба рассматриваемых процессов сам этот комплекс – наблюдаемый и анализируемый текст – может рассматриваться как отдельная знаковая единица (например, в знаковой системе «творчество А. С. Пушкина», рассматриваемой не как процесс, а как реализация некоторого набора базовых идей) или как свободная конструкция, определенным образом сочетающая значимые для Пушкина темы, или же как конфигурация, включающая в себя помимо ключевых оппозиций некоторые периферийные коннотации.

Таким образом, в полном соответствии с методологической позицией Ф. де Соссюра, «точка зрения определяет предмет» [3] описания семиотической реальности, создавая то или иное его представление. Однако этот поворот общей темы соотношения процесса и системы

позволяет задуматься и о задаче самой семиотики в ходе анализа и последующего синтеза воссоздаваемой семиотической реальности.

Ф. де Соссюр, Ч. С. Пирс, У. Моррис, Г. Фреге, Э. Кассирер, русские формалисты и другие ученые, стоявшие у истоков семиотического проекта, рассматривали семиотику (или различные ее изводы) как науку, причем науку дескриптивную, классифицирующую, подвергающую осознанию некие реально существующие, хотя и во многом бессознательные механизмы функционирования знаков и знаковых систем. Анализу подвергались реальные тексты, из них извлекались уже сложившиеся системы отношений, единицы и правила построения новых текстов. Тем самым процесс («речь») представал как объект изучения, содержащий в себе скрытую семиотическую сущность – систему («язык», «код»).

Однако уже в работах формалистов, а затем все более активно в трудах Р. Барта и Ю. Кристевой, У. Эко и Ж. Бодрийяра возникает иное отношение к задачам семиотического анализа. Поскольку имеющиеся семиотические системы – результаты человеческой деятельности, к ним можно отнести как к своеобразным изобретениям, техническим проектам, а значит, их можно критиковать и перепроектировать. Безликая система уступает место индивидуальным или коллективным систематизациям, более или менее успешным, как бывают более или менее успешны проекты зданий или конструкции машин; в то же время многообразие продуктов индивидуальной и коллективной коммуникации создает новую задачу – задачу поиска в массивах текстов и других знаковых объектов феноменов, отвечающих заданным параметрам. При этом процесс поиска все более автоматизируется и формализуется, его доверяют компьютерам и алгоритмам поисковых программ.

По мере развития «дополняющей» обыденную аналоговую цифровой реальности конструктивные и поисковые задачи становятся все более значимыми и актуальными. При этом простота и дешевизна цифрового моделирования реальности постепенно приближает нас к ситуации, когда невозможные в нашем нынешнем мире объекты, сочетающие в себе несовместимые признаки (нечто вроде «невозможных фигур» М. Эшера или О. Рутерсварда), станут появляться вокруг

нас. В этой ситуации, возможно, понятие «симулякра» из теоретического дескриптивного конструкта превратится в обозначение технологического этапа грядущего семиотического производства: ведь если рассматривать семиозис как воспроизводимый процесс, то в нем необходимым образом присутствует момент, когда вновь порожденное или переосмысляемое означающее еще не нашло для себя устойчивого означаемого, а значит, является симулякром по определению. Однако дальнейшая судьба порождаемого знака будет зависеть от того, насколько удачно удастся насытить внесемиотической реальностью его употребление, то есть насколько удастся соотнести его с жизнью, с коммуникацией, с реальными процессами.

Отчасти эта задача сродни задаче художника или поэта, стремящегося извлечь из массы потенциальных (еще незначимых, в каком-то смысле) означающих – красок, звуков, переживаний – новую, еще небывалую семиотическую фигуру, которая сможет стать образцом для новых высказываний, а значит, породит новые систематизации, продлит процесс семиозиса. Такая постановка задачи не отменяет научной, исследовательской установки для тех, кто склонен видеть в семиотике прежде всего дескриптивный и рефлексивный проект; она лишь добавляет к нему «техническое», «изобретательское» измерение, которое было не чуждо семиотикам, ориентированным на творческое преобразование наличных коммуникативных практик, будь то наука или искусство, политика или реклама.

Какой бы ни была судьба семиотического проекта, не вызывает сомнения одно: его уникальность состояла и состоит в попытке найти некое общее пространство для обсуждения, реконструкции, рефлексии и преобразования самых разных форм человеческой коммуникации. Это общее пространство может в отдельные моменты структурироваться как строгая система различий или же превращаться в захватывающий множество знаков общий процесс; но само существование этого пространства в значительной мере задано базовыми категориальными оппозициями, которые были созданы основателями семиотики и продолжают, постоянно переосмысляясь, – определять важнейшие черты этого проекта.

1. Трубецкой Н. С. Основы фонологии. М.: Изд-во иностранной литературы, 1960.
2. Томашевский Б. В. Источники стихотворений «Все мое – сказало злато» и «Глухой глухого звал» // Пушкин и его современники: Материалы и исследования / Комис. для изд. соч. Пушкина при Отд-нии рус. яз. и словесности Имп. акад. наук. Пг., 1917. Вып. 28. С. 56–64.
3. Соссюр де Ф. Курс общей лингвистики. М.: Едиториал УРСС, 2006.

Н. В. Костюченкова

**Коллективизм vs. индивидуализм
в восприятии горизонтального пространства
носителями русского, английского и норвежского языков**

УДК 801.3

В статье выявляется роль «коллективного – индивидуального» в процессе концептуализации и формирования образа горизонтального пространства в сознании русского, английского и норвежского народов, а также их воплощение в языках данных этносов.

Ключевые слова: коллективизм, индивидуализм, личное, пространство, национальный характер, цвет, географическое положение, путь.

N. V. Kostyuchenkova. Collectivism vs. individualism in the perception of the horizontal space by native speakers of Russian, English and Norwegian

In the article under the question, it is analyzed the “collective – individual” influence upon the process of conceptualization and the image formation of the horizontal space in the mind of Russian, English and Norwegian speakers, and thus, their realization in the above-mentioned languages.